

Философские предпосылки идеи построения государства всеобщего благоденствия в Новой Зеландии

© В.Ю. Ивлев^{1, 2}, Я.В. Михайлов¹

¹МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, 125993, Россия

Рассмотрены история построения государства всеобщего благоденствия в Новой Зеландии и философские предпосылки самой идеи такого государства. Отмечено, что подобные идеи излагали утописты, сторонники теорий либерализма, коммунизма и социал-демократии. С середины XIX в. в науку вошло понятие «социальное государство», а реальное воплощение идеи строительства такого государства в Новой Зеландии началось с 1880-х годов. Показано, что государство всеобщего благоденствия основано на принципах справедливости, равенства и общественного благосостояния. Построение такого государства рассмотрено как попытка сознательного целенаправленного конструирования уникального социального пространства в рамках конкретной страны. Отмечено, что социальное пространство — это социально-антропологическая конструкция, результат социальной разметки человеком пространства, состоящего из системы прошлых и настоящих социальных отношений. Оно соединяет ментальное и культурное, социальное и историческое в единое целое объективного и субъективного. Показано, что социальное пространство включает в себя несколько динамичных по природе функционально-структурных подсистем: физическое, виртуальное и профессиональное пространство, систему внутренних отношений, существующие социальные группы и иерархические структуры, протекающие внутри социальные процессы, семио-, концепто- и аксиосферу. Сделан вывод, что особенность конструирования социального пространства как новой социальной реальности страны состоит в том, что с философской точки зрения это всегда конструктивный переход идеи, когнитивной модели в реальную онтологию телесных объектов и системы отношений и процессов. На основе анализа цифровых данных и рейтингов показано, что Новая Зеландия достаточно успешно справляется с задачей построения государства всеобщего благоденствия.

Ключевые слова: государство всеобщего благоденствия, социальное государство, социальное пространство, конструирование социального пространства, урбанизация, ментальность, протестантизм

Идея построения государства всеобщего благоденствия генетически связана с философскими идеями утопистов и сторонников теории общественного согласия. Концепцию идеального государства в первую очередь описывал Платон в диалогах «Государство» и «Законы». Очень серьезное влияние на развитие этой идеи оказали «Утопия» Томаса Мора и «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы, теории либерализма, коммунизма и социал-демократии. В середине XIX в. понятие

«социальное государство» — «государство всеобщего благосостояния» было введено в научный оборот немецкими учеными Лоренцем Штейном и Робертом фон Модем.

Для Новой Зеландии очень важным было то, что в Англии, которая всегда обладала для новозеландцев огромным авторитетом и подражать которой они стремились во всем, уже в 1834 г. был принят Закон о бедных и государство занялось регулированием и контролем целого спектра общественных отношений в области труда, здравоохранения, качества жилья и компенсаций при несчастных случаях. Некоторые исследователи это называют оформлением минимального государства всеобщего благосостояния. В период с 1880 по 1914 г. начался период возникновения современного облика такого государства [1].

Колонизация Новой Зеландии была достаточно кровавой и беспринципной, что привело к резкому сокращению численности ее изначальных обитателей. Но спустя какое-то время изменилось умонастроение политических элит страны и начались попытки разумных социально-политических и экономических преобразований, а также были заложены основы социального государства. С точки зрения современной социальной философии государство всеобщего благоденствия основывается на принципах справедливости, равенства и общественного благосостояния.

Во-первых, это общество, каждый член которого имеет равные возможности и равный доступ ко всем социальным, экономическим и культурным ресурсам, т. е. это система справедливого распределения ресурсов, обеспечивающая экономическое и социальное равенство всех граждан страны.

Во-вторых, принципиальное значение в таком обществе имеют образование и просвещение как средства повышения уровня общественного сознания граждан и их способности к критическому мышлению.

В-третьих, такое общество подразумевает активное участие всех граждан в политической жизни, чтобы иметь возможность реального влияния на принимаемые решения, затрагивающие интересы и жизнь всех людей. Это общество с демократической системой управления, при которой сохраняется прозрачность всех принимаемых решений, а власть подотчетна гражданам и несет реальную ответственность перед ними за свои действия.

В-четвертых, такое государство неукоснительно обеспечивает личную свободу и гражданские права. Предотвращение коррупции и злоупотреблений в таком государстве требует развитой системы защиты прав и свобод.

В-пятых, это общество устойчивого развития, где человек и природа сосуществуют гармонично, ресурсы расходуются бережно и сохраняются для будущих поколений.

Несмотря на явный идеализм этой концепции, Новая Зеландия исходит из базовых императивов своей социокультурной парадигмы и сделала немало практических шагов для настоящей реализации этой концепции и внедрения многих ее элементов в повседневную жизнь своих граждан. Авторы настоящей статьи не идеализируют жизнь в Новой Зеландии, там достаточно своих экономических, социальных и прочих проблем. Но при этом надо отдать должное многим ее политическим деятелям и исторически сформировавшимся социально-политическим институтам, которые на базе набора имманентных теоретических культурных, религиозных, экономических, политических и философских установок реально пытаются сконструировать социальное пространство, в значительной степени отвечающее характеристикам государства всеобщего благоденствия, не взирая на существующие проблемы.

Если обратиться к теории, то социальное пространство — это концепция, которая описывает структуру и динамику взаимоотношений между членами сообщества. Социальное пространство изначально понимается как социально-антропологическая конструкция, продукт социальной разметки пространства человеком, объективированная социальная структура, натурализующая прошлые и настоящие социальные отношения [2].

Эту концепцию в истории науки развивали в первую очередь П. Сорокин, Э. Дюркгейм, И. Гоффман, П. Бурдьё, А. Лефевр, считавшие, что пространство связывает ментальное и культурное, социальное и историческое в единую социальную практику, а в пространственных формах воплощаются социальная активность и материальная культура социума.

Сорокин первым предложил возможность и необходимость «представлять все многообразие происходящих в обществе явлений помещенными в социальное пространство... Социальное пространство принципиально отличается от геометрического; оно представляет собой совокупность социальных отношений (связей), в которые вступает любой индивид с другими индивидами, группами и обществом в целом; социальные координаты такого пространства задаются социальными группами и ничем другим; социальное положение раскрывается через совокупность социальных связей со всеми группами; социальное пространство отражает народонаселение, а не статусы» [3].

Очень серьезное влияние на эту концепцию оказала знаменитая французская школа «Анналов» в лице М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя, Ж. Ле Гоффа, Э. Ле Р. Ладюри, М. Ферро, затем работы французских экономистов-пространственников Ф. Перру, Ж. Будвиля, К. Понсара, А. Липеца, Ф. Айдало, труды по теории эволюционной экономики Р. Нельсона и У.Дж. Уинтера. Серьезный анализ специфики конструирования социального пространства был проведен еще в 1966 г. в книге

«Социальное конструирование реальности» П. Бергера и Т. Лукмана. Интересные подходы к исследованию конструирования социального пространства есть в работах Г. Зиммеля, П. Бурдье, З. Баумана, Э. Гидденса, М. Кастельса и др. Бурдье считал, что социальное пространство — это соединение объективных пространственных структур со структурами субъективными. Социальное пространство — это в первую очередь пространство социальных коммуникаций [4].

Не вдаваясь в излишне детальный анализ социального пространства, можно выделить несколько его структурных элементов, точнее структурно-функциональных подсистем:

1) его пространственную организацию — физическое пространство взаимодействия людей (реальная территория, дома, улицы, учебные заведения и т. д.), виртуальное пространство (область онлайн-коммуникации, игры, форумы, социальные сети, интернет-сообщества, бизнес-сети, блоги и т. п.), профессиональное пространство (офисы, заводы, институты, где люди работают, взаимодействуют и производят материальные и нематериальные блага);

2) систему внутренних социальных отношений — сложный комплекс способов взаимодействия индивидов и объединяющих их по определенным основаниям групп;

3) существующие в нем социальные группы — объединения людей, связанных общими интересами, ценностями или статусом (семьи, политические партии, научные и профессиональные коллективы, религиозные группы и т. п.);

4) исторически сложившиеся социальные иерархические структуры, разделяющие общество на разные уровни в зависимости от причастности к власти, доступа к ресурсам и социального статуса;

5) выработанную и принятую социумом систему социальных институтов — устойчивых форм организации социальной жизни (семьи, финансов, образования, политики, религии);

6) континуально протекающие внутри него социальные процессы трансформации социальных отношений и структур во времени в результате социальных взаимодействий, влияния технологического прогресса, политических революций и демографических сдвигов;

7) его семио- и концептосферу — систему символов и идей, отражающих ценности и нормы общества, регулирующих поведение людей в рамках социального пространства и формирующих ожидания по отношению к их будущему стандартному поведению; здесь важно отметить, что социальное пространство — это с точки зрения семиотики всегда пространство общего смысла, идеологии и системы отношений, оно обеспечивает выработку относительно единой национальной ментальности и возможности относительно адекватного взаимопонимания граждан между собой;

8) его аксиосферу — систему сложившихся в конкретном обществе ценностей и идеалов, дающих возможность определения феноменов в рамках дихотомии хорошо/плохо, важно/не важно и т. д.

Перечисленные структурно-функциональные подсистемы социального пространства динамичны по своей природе, постоянно трансформируются благодаря непрерывному развитию технологий, социальным взаимодействиям, политическим решениям, климатическим факторам, воздействиям внешней среды и геополитики и т. д. Эта динамичность социального пространства лежит в основе идеи его целенаправленного сознательного конструирования со стороны социально-политических и социально-экономических институтов, создающих благоприятную среду для взаимодействия, жизни, работы, развития и самореализации людей. Кроме того, как утверждал Ф. Бродель, пространство — то, что формирует разнообразие социальных и экономических структур. Таким образом, пространство с этой точки зрения всегда гетерогенно, страна — разнообразный множественный конгломерат автономных краев, связанных взаимными обязательствами города и деревни и прошитый дорогами и торговлей [5]. Конструирование единого социального пространства в рамках государства — внесение в первую очередь относительной гомогенности экономического подпространства страны, протекающих социальных процессов и достижение общей ментальности граждан.

В контексте истории конструирования единого социального пространства Новой Зеландии следует отметить идею школы «Анналов» — анализ «ментальностей». «Ментальности» — не сформулированные четко и не вполне осознаваемые манеры мыслить, подчас лишенные логики мысленные образы, присущие данной эпохе и/или определенной социальной группе. «Эти способы ориентации в социальном и природном мире представляют собой своего рода автоматизмы: люди пользуются ими, не вдумываясь в них и не замечая их. Однако эти внеличностные установки сознания приобретают тем более принудительный характер, что они не осознаются» [5].

Специфика ментальности акторов-конструкторов социального пространства в Новой Зеландии в значительной степени определяется их изначально англосаксонской социокультурной парадигмой и их конфессиональной принадлежностью к протестантизму.

В.Э. Багдасарян подчеркивает, что единого, универсального для всех стран и народов пути развития нет. Глобальное социальное развитие всегда вариативно: «Каждая из этнокультурных моделей выстраивается в соответствии с собственной идеальной моделью, преломляемой в формате особого цивилизационного оптимума через различные ниши общественного бытия» [6]. Исследования показали, что конфессиональная принадлежность жестко корреспондирована с национальным менталитетом и детерминирует определенный тип

социальности. В протестантских сообществах выше уровень урбанизированности. Именно они более склонны к финансовой деятельности. Именно в протестантских странах наивысшие стоимостные показатели жизнеобеспечения и максимальный социальный пакет. В них меньше амплитуда социального расслоения. Для этих стран характерен больший удельный вес оплаты труда в ВВП. При этом в них достаточно велики показатели социальной неблагополучности: алкоголизм, преступность, численность заключенных, число самоубийств [6].

Конструирование социального пространства — целенаправленное создание не просто исключительно физической среды обитания и составляющих ее телесного, вещественного наполнения объектов, а в первую очередь культивирование многогранных социальных, культурных, экономических и технологических условий для гармоничного бытия людей, учитывающих их потребности, ценности и способы социального взаимодействия.

Особенность конструирования социального пространства как новой социальной реальности страны состоит в том, что с философской точки зрения это всегда конструктивный переход идеи, когнитивной модели в реальную онтологию телесных объектов и системы отношений и процессов. Когнитивные сущности превращаются в физические и социальные. С этой позиции социальное пространство — жизненное пространство, организованное в соответствии с изначально когнитивной моделью, воплощение нормативных фантазий, соответствующих ценностной системе их создателей, которые свои индивидуальные и групповые ценности конструируют уже как аксиосферу этой новой социальной реальности. Дж. Серль назвал бы такой процесс проявлением коллективной интенциональности, когда действия агента становятся частью совместной деятельности группы: индивид конструирует социальную реальность, исходя из своих личностных ценностей, открывая индивидуальное социальному, проецируя индивидуальные ценности в общественное пространство, но эта проекция подвергается диффузии и рефракции, несколько искажая первоначальные замыслы [7].

Тем не менее нужно понимать, что конструирование социальной реальности как социального пространства всегда детерминировано внутренней ментальной парадигмой его создателя, которая зависит от социокультурной парадигмы современного ему окружения.

Ключевыми аспектами такого конструирования являются:

1) конструирование физического пространства территории государства и населенных пунктов с точки зрения его функциональности, эстетичности и бережного взаимодействия с окружающей средой при условии его устойчивости к изменениям климата, технологическим достижениям и другим вызовам;

2) создание эффективной надежной технической и информационной инфраструктуры для постоянного устойчивого доступа людей

к воде, электричеству, газу, системам связи, информации, медицинскому обеспечению, образованию и другим социокультурным ресурсам;

3) создание специализированного пространства для социальных взаимодействий (общественных центров, коворкинга и т. п.);

4) стимулирование развития и оптимизации социальных отношений и снижения социальной напряженности — постоянная политика толерантности, взаимопонимания, культурного многообразия; устранение социальных корней преступности и насилия;

5) систематическая целенаправленная разработка планов и стратегий социального развития, развитие системы социальной защиты;

6) формирование условий для стабильного экономического роста на базе изменения соотношения труда, собственности и уровня развития личности, обеспеченной экономическими правами [8], и максимального развития предпринимательства;

7) активное внедрение технологических инноваций для улучшения жизни с учетом возможных рисков для безопасности людей, сохранения социально-экономического равенства и охраны их личного пространства;

8) законодательное регулирование использования социального пространства и постоянный контроль над правильным его использованием для быстрого устранения любых девиаций;

9) построение постоянно действующей эффективной системы защиты окружающей среды и системы предупреждения экологических катастроф.

Характерная особенность истории Новой Зеландии с последней трети XIX в. по настоящее время — постоянная целенаправленная деятельность ее социально-политических институтов и акторов по сознательному конструированию социального пространства.

Здесь важно отметить несколько характерных особенностей такого конструирования.

1. Процесс конструирования социального пространства всегда достаточно сильно растянут во времени. В рассматриваемом примере конструирование социального пространства началось в Новой Зеландии в последней трети XIX в. и продолжается до сих пор. Здесь использован геоисторический метод Ф. Броделя, считавшего, что пространство — реальность не только текущего, но и вчерашнего дня, что вполне справедливо, когда рассматривается и географическое, и социальное пространство, потому что действительность является густой и протяженной, представляя собой многообразие взаимосвязанных между собой явлений [5].

2. Конструирование социального пространства — это сложная нелинейная последовательность социально-политических проектов и действий социально-политических институтов и акторов, это всегда

многоаспектная задача, предельно трудная в силу своей многофакторности и неоднозначности признаков формирующейся новой социальной реальности, которая, по мнению О.Б. Истоминой, всегда отличается не измеряемыми на текущий момент неопределенностью, неустойчивостью и нестабильностью [9]. Это подтверждается многочисленными кризисами и сложностями в становлении социоэкономической реальности Новой Зеландии, которые отражены в ее истории.

3. Всегда подразумевается изменение траектории развития сложного комплекса взаимопереплетенных между собой социально-политических, правовых, социально-экономических, социокультурных и демографических отношений и социальных институтов, а также индивидуальных траекторий бытия граждан, что приводит к формированию новой социальной реальности в рамках страны [9].

4. Особенность конструирования социального пространства приводит к эмерджентности и бифуркационности динамики построенной социальной реальности.

5. Необходимо сочетать целенаправленные действия со стороны отдельных пассионарных личностей — политических деятелей — и социально-политических институтов в гармоничном взаимодействии с саморазвитием и самоорганизацией общества и его отдельных граждан.

6. В качестве своего сущностного наполнения конструирование социального пространства связано с развитием сложного пересечения и объединения — сложной интерференции — экономических пространств различных экономических акторов: «экономическое пространство — это экономическая категория, характеризующая уровень экономических прав личности (коллектива), величину ее капитала и степень свободы труда, выраженную долей продукта, поступающего в распоряжение личности (коллектива). Экономическое пространство можно количественно определить для различных субъектов и на различных уровнях: личности на предприятии; личности в обществе; коллектива в рамках предприятия; коллектива в рамках отрасли; коллектива в обществе; отрасли в рамках общества, включая и субъекты экологического равновесия, а именно — флоры и фауны» [8].

7. Конструирование социального пространства подразумевает построение устойчивой системы распределения ресурсов в соответствии с принятыми в этом пространстве правилами, которые становятся стандартными рутинными практиками для всех социальных акторов, действующих в этом пространстве.

8. В силу уникальной специфики культуры региона конструирование социального пространства нуждается в комплексном и вариативном развитии конкретного локального сообщества на базе региональной самоорганизации. В Новой Зеландии за счет ее демографического и этнического разнообразия жители в социокультурном

отношении в значительной степени гетерогенны (население Европы в этом плане гораздо более гомогенно): их способы бытия являются многоукладными и разноуровневыми, причем у тех же маори или самоанцев преобладают архаичные и традиционные компоненты. Здесь задача социального конструирования должна была учесть потребности экономической и технологической модернизации при условии сохранения ценностей традиционной культуры и основополагающих стереотипов поведения. Это стало стимулом обновления общества, чему способствовала активная роль государства. Был дан мощный толчок инновационному развитию национального сообщества киви.

9. Механизм конструирования социального пространства должен базироваться на понимании гетерогенности ментальности населяющих его людей, каждый из которых живет в своей индивидуально сконструированной социальной реальности, в персональной системе смыслов, поэтому социальное пространство всегда будет неоднородно, но должно быть сконструировано таким образом, чтобы эти ментальные подпространства могли находиться в состоянии гармонии, не приводя к межличностным и межгрупповым конфликтам.

10. Построение единого социального пространства в рамках Новой Зеландии усложнено тем, что нужно было связать и унифицировать исторически сформированные локальные социальные пространства маори и жителей островов, входящих в состав государства, ведущих практически натуральное хозяйство, с элементами рыночной торговли и товарного производства, отличающимися достаточно сильной связью автохтонных социальных акторов с конкретными локальными территориями. Эти территории были практически самодостаточны. Пространственная локализация и автохтонность являются для аборигенов основой их идентичности. А пакеха отличались предприимчивостью, динамичностью и мобильностью в пространстве, используя глобальные экстерриториальные социальные сети и активно извлекая денежную прибыль. Построение единого социального пространства по необходимости требовало создания единого экстерриториального товарно-денежного хозяйства и сетевой организации общества [10].

Новая Зеландия заимствовала британскую двухпартийную систему с опорой на парламентскую монархию. Представители ведущих партий последовательно опирались на теорию разделения властей, принципы гражданского общества и правового государства, обязательной идеей был конституционализм. Идея революционного движения и насильственного прихода к власти политических группировок и замены общественного строя воспринималась как неприемлемая [11]. При этом в Новой Зеландии в силу отсутствия феодальной аристократии никогда не появлялась Консервативная партия, зато большое влияние

приобрел лейборизм. Национальная партия Новой Зеландии всегда отражала интересы и либералов, и консерваторов [11].

Л.Г. Стефанчук справедливо отмечает, что первые зачатки создания государства «всеобщего благоденствия» появились в 1890–1912 гг. в эру правления в Новой Зеландии либералов [12]. Либералы провели кардинальную земельную реформу, увеличивающую число мелких собственников и уменьшающую концентрацию земли в частном владении [12]. Вскоре земельная реформа была распространена и на маори, благодаря чему остановилось сокращение их численности и снизился уровень напряженности в их отношениях с пакеха.

Либералы разработали многочисленные законы о труде, защищающие права наемных работников и регламентирующие условия их труда и систему компенсаций. Социальный реформизм был особенно характерен для их деятельности (пример — реформы премьер-министра от Либеральной партии Р. Седдона) [11]. В 1894 г. был принят Закон об индустриальном примирении и арбитраже, сглаживающий противоречия труда и капитала. Это вызвало в Новой Зеландии активный рост профсоюзов [12].

В 1887 г. введено бесплатное обязательное начальное образование. Уже в 1898 г. в Новой Зеландии был принят закон о пенсии престарелым. Женщины получили избирательное право.

Политика либералов всегда отличалась разумным практицизмом — идея абсолютной свободы была потеснена более утилитарной: признанием необходимости частичного госконтроля над правильным осуществлением права собственности. В результате в Новой Зеландии возник мощный сектор государственной экономики [12].

Для преодоления разрозненности провинций и повышения комфорта жизни населения были построены коммуникационные сети: дороги, мосты, железные дороги, порты. Это дало резкое оживление экономики, особенно торговли, экономическое пространство страны приобрело новое качество. Политика государства всегда была очень активной, вмешательство государства в экономику и социальную жизнь Новой Зеландии становилось все более и более интенсивным. Развивалась система государственных учреждений, создавались многочисленные государственные компании и предприятия, брались под контроль банки. Это помогало противодействовать созданию сильных независимых групп, которые по примеру США могли бы начать лоббировать свои интересы и контролировать политику [12].

Действия новозеландского правительства этого периода определили контуры будущего социального государства, вероятно, самого передового для той эпохи.

Следующий период реформ — 1935–1949 гг., когда лейбористы, благодаря множеству осуществленных ими преобразований в экономике и социальной политике, в том числе по отношению к маори,

превратили Новую Зеландию в государство всеобщего благоденствия. Еще в 1938 г. в стране была создана обширная система социального обеспечения. Важно отметить, что основой лейбористской идеологии, как и у либералов, тоже был прагматизм [12] — один из важнейших императивов социокультурной парадигмы Новой Зеландии.

В 1990-е годы в Новой Зеландии по примеру Великобритании начали трансформировать модель госуправления с помощью New Public Management. «Основной посыл New Public Management заключается в моделировании рыночных процессов внутри государственного сектора и заимствовании технологий управления, разработанных для частных компаний. Это выражается, прежде всего, в сокращении масштабов и ресурсов государственного управления (приватизация; децентрализация; дерегулирование; делегирование ряда государственных полномочий рыночным структурам; уменьшение расходов на государственный аппарат за счет его сокращения, реструктуризация и маркетизация; пересмотр обязанностей государства и отказ от некоторых из них, связанных, прежде всего, с социальным обеспечением населения) и усовершенствовании механизмов управления бюджетом (конкурсный тендер; контрактная система внутри государственной службы, передача на подряд; введение режима платности ряда услуг для потребителей)» [13].

«Недостатки менеджериального подхода к государственному управлению спровоцировали появление новой управленческой модели, получившей название “Good Governance”, или “достойное управление”. В основном новая парадигма ориентирована на преодоление таких недостатков нового государственного менеджмента, как второстепенность решения социальных проблем и, как следствие, повышение уровня социального неравенства и бедности, особенно в развивающихся странах; эрозия роли государства и государственных служащих в общественных отношениях; акцент на универсальности предлагаемых методов реформирования вместо учета институционального контекста каждой страны» [13]. Для этой модели был важен переход к децентрализованным совместным сообществам (сетям), где государство, бизнес и гражданское общество разделяют между собой властные полномочия [13]. Для Новой Зеландии данная модель оказалась очень удобной и эффективной.

С точки зрения Г. Эспинг-Андерсона, Новая Зеландия всегда относилась к либеральному кластеру государств всеобщего благосостояния: «В либеральной группе государств всеобщего благоденствия целью государства является стимулирование частной инициативы граждан в решении проблем пенсий и социального страхования. Благосостояние граждан напрямую зависит от их личных средств и страховых накоплений, сделанных в течение трудовой активности» [14].

Здесь принципиально важно напомнить точку зрения Ф. Броделя и В. Зомбарта, которые считали, что основной источник прибыли

капиталистической экономики заключается не в производстве промышленных товаров, а в их обращении [15]. Основа успешной экономики — торговля. Либерализация условий торговли — необходимое требование конструирования экономического подпространства социального пространства государства всеобщего благоденствия, основа чисто экономической возможности реализации социального обеспечения нуждающихся.

Кроме того, Ф. Бродель и М. Вебер подчеркивали роль средневековых городов в становлении капитализма. Это существенно в силу того соображения, что опорным каркасом социального пространства, его узлами всегда служат города с их особым хронотопом, концентрацией финансовых, когнитивных, культурных, информационных и административных ресурсов и сложным переплетением социальных структур.

Для Новой Зеландии с ее очень высоким уровнем урбанизации это тоже справедливо. Ф. Бродель считал, что именно города и острова, находящиеся на богатых морских путях, служат источником поляризации экономического пространства [5]. Города, с его точки зрения, — организаторы экономической деятельности. Социальное пространство — аналог силового поля, где города являются узлами, а дороги — силовыми линиями. Специфика городов отражается в их сложной пространственной структуре, сложной структуре экономики, разнообразии взаимосвязанных видов экономической деятельности, концентрации капитала [5]. Города всегда выступают в качестве центров концентрации экономики и индустрии и являются привилегированными функциональными узлами социальной сети.

Помимо этого, города, как правило, — центры сосредоточения исторической памяти, образования и культуры. Именно поэтому за счет своей повышенной динамичности, жизнедеятельности и потребностей жизнеобеспечения города гораздо быстрее интегрируют всякого рода технологические и социальные инновации. Например, Окленд занимает, как правило, 10-е место среди самых комфортных городов мира, а Веллингтон входит в топ-5 самых экологичных городов.

В заключение следует отметить, что, несмотря на свои многочисленные, как и у всех других стран мира, социально-экономические проблемы, Новая Зеландия уверенно занимает верхние строчки рейтинга по Индексу лучшей жизни (Your Better Life). «Рейтинг составляется на основе официальной статистики и опросов института Гэллапа по 11 основным факторам: жилищные условия, доходы, занятость, образование, экология, здоровье, эффективность управления, общественная жизнь, безопасность, удовлетворенность условиями жизни, баланс между рабочим временем и досугом, а также непосредственно субъективная удовлетворенность жизнью респондента. Участников просят оценить важность каждого параметра для них

лично. При построении итоговых индексов используются различные данные — от собственных оценок респондентов до официальной статистики, опросов, проведенных местными компаниями и международными организациями» [16].

В 2025 г. показатели Новой Зеландии такие: уровень здравоохранения — 68,4, индекс покупательной способности — 134,4, индекс загрязнения окружающей среды — 26,1, рейтинг безопасности — 51,8, индекс доступности недвижимости — 7,3, индекс стоимости жизни — 55,3, уровень транспортной доступности — 32,2 [17].

Новая Зеландия занимает 12-е место в рейтинге качества жизни, переместившись с 14-й позиции годом ранее и улучшив свой результат [18].

Это означает, что Новая Зеландия довольно успешно строит государство всеобщего благоденствия. Ее программа конструирования социального пространства на базе национальной ментальности и социокультурных императивов оказалась разумной, прагматичной и успешной.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Малахов А.А. Основные периоды развития современного государства всеобщего благосостояния: от зарождения до кризиса. *Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология, Религиоведение*, 2022, т. 40, с. 18–28. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.40.18>
- [2] Чеснокова Л.В. Локальная приватность как пространство бытия-для-себя. *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого*, 2021, № 2, с. 39–50.
- [3] Галсанамжилова О.Н. Социологическая интерпретация понятия «социальное пространство»: зарубежный опыт. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 2015, № 10–1, с. 50–51.
- [4] Бурдые П. *Социология социального пространства. Институт экспериментальной социологии*. Санкт-Петербург, Алетейя, 2007, 288 с.
- [5] Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А., Украинский В.Н. Школа «Анналов» и ее вклад в исследование экономического пространства. *Ойкумена. Теория и методология регионоведческих исследований*, 2011, № 3, с. 55–72.
- [6] Багдасарян В.Э. Цивилизационно-вариативные основания формирования социального государства. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2009, вып. 2, № 1, с. 18–41.
- [7] Стожко Д.К. Как рождается ценность: конструирование социальной реальности. *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*, 2018, вып. 18, № 3, с. 303–315.
- [8] Тишина В.Н. Экономическое пространство как пространство экономических взаимоотношений в процессе их институционализации. *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*, 2011, № 4, с. 254–264.
- [9] Истомина О.Б. Бытие и неопределенность социальных стратегий: вызовы времени. *Вестник Бурятского государственного университета. Философия*, 2022, вып. 2, с. 3–10.
- [10] Зарубина Н.Н. Влияние денег на социальное конструирование пространства. *Историческая психология и социология истории*, 2012, вып. 5, № 1, с. 26–42.

- [11] Комаров А.Н. Партийные системы Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии: общее и особенное. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия. Всеобщая история*, 2017, вып. 9, № 1, с. 27–42.
- [12] Стефанчук Л.Г. Становление государства «всеобщего благоденствия» в Новой Зеландии. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2012, № 18, с. 299–314.
- [13] Красильников Д.Г., Сивинцева О.В., Троицкая Е.А. Современные западные управленческие модели: синтез New Public Management и Good Governance. *Ars Administrandi*, 2014, № 2, с. 45–62.
- [14] Шапаров А.Е. Стратегии формирования социальной политики. *Социум и власть*, 2008, № 4, с. 50–54.
- [15] Ким С.Г., Брунс Х. Универсальная история и проблема единства социальной науки: замечания о Максе Вебере и Фернанде Броделе. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия II. Социология: Реферативный журнал*, 2006, № 4, с. 77–87.
- [16] Намлинская О.О. «Экономика счастья»: особенности определения и перспективы развития в условиях модернизации. *Региональные проблемы преобразования экономики*, 2014, № 4, с. 6–14.
- [17] Рейтинг стран по уровню жизни 2025. *Basetop*. URL: <https://basetop.ru/rejting-stran-po-urovnyu-zhizni/> (дата обращения 05.09.2025).
- [18] Индекс качества жизни по стране 2024 в середине года. *Numbeo*. URL: https://www.numbeo.com/quality-of-life/rankings_by_country.jsp?title=2024-mid&displayColumn=0 (дата обращения 05.09.2025).

Статья поступила в редакцию 27.10.2025

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Ивлев В.Ю., Михайлов Я.В. Философские предпосылки идеи построения государства всеобщего благоденствия в Новой Зеландии. *Гуманитарный вестник*, 2025, вып. 6. EDN NAKIKP

Ивлев Виталий Юрьевич — д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия» факультета социальных и гуманитарных наук, МГТУ им. Н.Э. Баумана; профессор Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. e-mail: vitalijivlev@yandex.ru

Михайлов Ярослав Владимирович — ассистент кафедры «Философия» факультета социальных и гуманитарных наук, МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: Yar997393@gmail.com

Philosophical Foundations of the Idea of Building a Welfare State in New Zealand

© V.Yu. Ivlev^{1,2}, Ya.V. Mikhailov¹

¹ Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

² Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, 125167, Russia

The paper examines the history of the welfare state construction in New Zealand and the philosophical foundations of the very idea of such a state. Similar ideas were noted to be articulated by utopian thinkers and proponents of liberalism, communism, and social democratic theories. Since the mid-nineteenth century the concept of a “social state” has been established in academic discourse and the practical realization of this state construction idea in New Zealand dates back to the 1880s. The welfare state is demonstrated to rest on the principles of justice, equality, and social welfare.” The construction of such a state was considered as an attempt at the conscious and purposeful creation of a unique social space within the framework of a particular country. Social space was defined as a socio-anthropological construct resulting from the human social structuring of space, which consists of a system of past and present social relations. It combines the mental and cultural, social and historical into a single whole of the objective and subjective. Social space is shown to include several dynamic functional-structural subsystems: physical, virtual and professional space, a system of internal relations, existing social groups and hierarchical structures, social processes occurring within and the semio-, concept- and axiosphere. It has been concluded that the peculiarity of constructing social space as a new social reality of the country lies in the fact that, from a philosophical point of view, it is always a constructive transition of an idea, a cognitive model into the real ontology of physical objects and a system of relations and processes. Based on the analysis of digital data and ratings New Zealand is shown to be quite successful in building a welfare state.

Keywords: welfare state, social state, social space, construction of social space, urbanization, mentality, Protestantism

REFERENCES

- [1] Malakhov A.A. Osnovnye periody razvitiya sovremennogo gosudarstva vseobshchego blagosostoyaniya: ot zarozhdeniya do krizisa [Main stages in the development of the modern welfare state: from emergence to crisis]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politologiya, Religiovedenie — The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 40, pp. 18–28.
<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.40.18>
- [2] Chesnokova L.V. Lokalnaya privatnost' kak prostranstvo bytiya-dlya-sebya [Local privacy as a space of being-for-itself]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo* (Humanities Bulletin of Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University), 2021, no. 2, pp. 39–50.
- [3] Galsanamzhilova O.N. Sotsiologicheskaya interpretatsiya ponyatiya “Sotsial'noe prostranstvo”: zarubezhnyy opyt [A sociological interpretation of

- the concept of “social space”: foreign experience]. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obschestvennye nauki* (Humanities, Socio-Economic and Social Sciences), 2015, no. 10–1, pp. 50–51.
- [4] Bourdieu P. *Sociologie de l'espace social*. Paris, Minuit Publ., 1984 [In Russ.: Burdie P. *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva*. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2007, 288 p.].
- [5] Demiyenko A.N., Dyatlova L.A., Ukrainskiy V.N. Shkola “Annalov” i ee vklad v issledovanie ekonomicheskogo prostranstva [The annales school and its contribution to the study of economic space]. *Oikumena. Teoriya i metodologiya regionovedcheskikh issledovaniy* (Oikoumene. Theory and methodology of regional studies), 2011, no. 3, pp. 55–72.
- [6] Bagdasaryan V.E. Tsivilizatsionno-variantnyye osnovaniya formirovaniya sotsial'nogo gosudarstva [Civilizational and variant foundations of the formation of the social state]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo — Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2009, iss. 2, no. 1, pp. 18–41.
- [7] Stozhko D.K. Kak rozhdaetsya tsennost': konstruirovaniye sotsial'noy real'nosti [How value is born: the construction of social reality]. *Gumanitariy: aktualnye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya* (Humanitarian: Topical issues of the humanities and education), 2018, iss. 18, no. 3, pp. 303–315.
- [8] Tishina V.N. Ekonomicheskoe prostranstvo kak prostranstvo ekonomicheskikh vzaimootnosheniy v protsesse ikh institutsionalizatsii [Economic space as a space of economic relations in the process of their institutionalization]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova* (Bulletin of Kostroma state university named after N.A. Nekrasov), 2011, no. 4, pp. 254–264.
- [9] Istomina O.B. Bytie i neopredelennost' sotsial'nykh strategiy: vyzovy vremeni [Being and the uncertainty of social strategies: challenges of the time]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya — Bulletin of Buryat State University. Philosophy*, 2022, iss. 2, pp. 3–10.
- [10] Zarubina N.N. Vliyanie deneg na sotsial'noye konstruirovaniye prostranstva [The impact of money on the social construction of space]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii — Historical Psychology & Sociology of History*, 2012, iss. 5, no. 1, pp. 26–42.
- [11] Komarov A.N. Partiynye sistemy Velikobritanii, Kanady, Avstralii i Novoy Zelandii: obshche i osobennoe [Party systems of Great Britain, Canada, Australia and New Zealand: common and distinctive features]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Vseobshchaya istoriya — Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Vseobshchaya istoriya* (Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Series World History), 2017, iss. 9, no. 1, pp. 27–42.
- [12] Stefanchuk L.G. Stanovleniye gosudarstva “Vseobshchego blagodenstviya” v Novoy Zelandii [The formation of the “welfare state” in New Zealand]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya* (Southeast Asia: Topical Issues of Development), 2012, no. 18, pp. 299–314.
- [13] Krasil'nikov D.G., Sivintseva O.V., Troitskaya E.A. Sovremennyye zapadnyye upravlencheskie modeli: sintez New Public Management i Good Governance [Contemporary Western governance models: a synthesis of New Public Management and Good Governance]. *Ars Administrandi — ARS ADMINISTRANDI* (The Art of Governance), 2014, no. 2, pp. 45–62.
- [14] Shaparov A.E. Strategii formirovaniya sotsial'noy politiki [Strategies for the formation of social policy]. *Sotsium i vlast — Society and Power*, 2008, no. 4, pp. 50–54.

- [15] Kim S.G., Bruns H. Universalnaya istoriya i problema edinstva sotsialnoy nauki: zamechaniya o Makse Vebere i Fernane Brodele [Universal history and the problem of the unity of social science: remarks on Max Weber and Fernand Braudel]. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sotsiologiya: Referativnyy zhurnal* (Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology: Abstract Journal), 2006, no. 4, pp. 77–87.
- [16] Namlinskaya O.O. “Ekonomika schastiya”: osobennosti opredeleniya i perspektivy razvitiya v usloviyakh modernizatsii [“The economics of happiness”: features of definition and development prospects in the context of modernization]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki — Regional Problems of Transforming the Economy*, 2014, no. 4, pp. 6–14.
- [17] Reyting stran po urovnyu zhizni 2025 [Country ranking by quality-of-life 2025]. *Basetop* Available at: <https://basetop.ru/rejting-stran-po-urovnyu-zhizni/> (accessed September 5, 2025).
- [18] Indeks kachestva zhizni po strane 2024 v seredine goda [Quality of life index by country 2024 in mid-year]. *Numbeo* Available at: https://www.numbeo.com/quality-of-life/rankings_by_country.jsp?title=2024-mid&displayColumn=0 (accessed September 5, 2025).

Ivlev V.Yu., Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Faculty of Social Sciences and Humanities, Bauman Moscow State Technical University; Professor of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation. e-mail: vitalijivlev@yandex.ru

Mikhailov Ya.V., Assistant Lecturer, Department of Philosophy, Faculty of Social Sciences and Humanities, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: Yar997393@gmail.com